

Манасевич Ю.В.

Национализм и космополитизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю11

Ю11 **Ю.В. М.**
Национализм и космополитизм / Манасевич Ю.В. – М.: Книга по Требованию, 2023. –
51 с.

ISBN 978-5-519-95281-1

ISBN 978-5-519-95281-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

весьма полезительное для преуспѣванія въ частной жизни— плохой аргументъ въ пользу историческаго главенства и долгожизненности и, наоборотъ, настоящими орудователями въ исторіи являются народы, какъ и отдѣльныя личности, съ сильными страстями, съ избыткомъ силъ, потому именно и переливающихся черезъ край. Правда, что и еврейство, до полнаго расцвѣта и объединенія его духовныхъ силъ, когда дѣло, именно потому, и должно было принять совершенно иной оборотъ, далеко не представляется казанской сиротой и, наоборотъ, грѣшитъ излишествами, которымъ могли бы завидовать такіе даже заливхаты исторіи, какъ грабители-ассирійцы и римляне. Но эти соображенія непосредственно не кидались въ глаза. Весь этотъ нѣсколько тривіальный, хотя и доброжелательный теоретическій взглядъ прогрессистовъ обуславливалъ также практическое ихъ отношеніе къ вопросу объ ассимиляціи. У ортодоксовъ объ ассимиляціи не могло быть и рѣчи. Это было бы рѣзкимъ противорѣчіемъ всему ихъ міросозерцанію. Прогрессисты же, ограждая себѣ болѣе или менѣе убѣжденно—скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе, скорѣе въ видахъ внѣшней политики—національно-религіозный уголокъ, выступили рѣшительными поборниками сліянія. И совершенно послѣдовательно. Разъ іудаизмъ самостоятельной жизненности болѣе не имѣетъ, живетъ одною традиціей, большею частью лишенной практическаго значенія, то обособленіе представлялось совершенно безпредметнымъ. На тысячи ладовъ раздавались варіаціи о томъ, что іудаизмъ никакихъ идеаловъ болѣе не сулитъ, что таковыхъ слѣдуетъ искать въ иныхъ сферахъ.

Наступила печальная эпоха жиждства, погромовъ и стѣснительныхъ мѣръ. Завзятые ортодоксы тутъ легко нашлись. Въ нашихъ несчастіяхъ они склонны были видѣть кару небесную, постигшую насъ за пренебреженіе старымъ ритуаломъ. Они смѣло выставили девизъ: назадъ домой! Положеніе же прогрессистовъ было по-истинѣ трагическое. Христіанскіе со-

отечественники, съ которыми они полагали идти рука въ руку, жестоко и оскорбительно ихъ отвергли. Путь впередъ оказался закрытымъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, имъ казалось. Идти же назадъ не могло представляться заманчивымъ послѣ того какъ завидны были новые, болѣе свѣтлые горизонты. Имъ не приходило на умъ, что шествованіе впередъ возможно на собственный страхъ и рискъ. И какъ имъ было подумать объ этомъ, когда—это неправдоподобно, но это такъ—изъ всѣхъ вещей наименѣе имъ извѣстна была ихъ собственная народность, собственный національный геній? Развѣ этотъ геній для нихъ еще существовалъ? Развѣ онъ способенъ вырабатывать новые идеалы? Развѣ онъ не истощился весь въ великихъ своихъ созданіяхъ прошедшаго? Но что я говорю о настоящемъ и будущемъ! Воздавалась-ли еврейскому генію должная справедливость хотя бы въ прошедшемъ? Оказывается, что прогрессисты не только не подозрѣвали сохраняющейся еще понынѣ свѣжести нашихъ духовныхъ силъ, но не узнавали ¹ даже собственного дѣтища нашего народнаго творчества въ томъ, что несомнѣнно есть его продуктъ, можетъ быть—величайшій, который когда либо выработанъ былъ геніемъ человечества.

Косность общепринятыхъ мнѣній такъ велика, что другой феноменъ, не менѣе замѣчательный, чѣмъ великая религіозная реформа, и съ своей стороны явно показывающая громадную жизненную энергію нашего національнаго духа, не въ состояніи былъ поколебать взглядъ о томъ, что историческая наша роль сыграна. Жизнь и наука какъ бы соединились, чтобы заслонить внутреннее значеніе величайшихъ проявленій нашего духа. Феноменъ, о которомъ говорю, представляетъ какъ бы третій этапъ въ ходѣ нашего историческаго развитія. Когда религіоз-

¹ Конечно, есть исключенія и они стали многочисленнѣе въ послѣднее время.

ное наше творчество достигло апогея, то логика вещей (раскрытіемъ которой я здѣсь заняться не могу) требовала перехода духовной нашей работы въ научно-философскую сферу. Съ удивительной послѣдовательностью нашъ геній совершилъ этотъ переходъ. Начиная съ Филона, великаго современника Христа, предъ нами открывается и тянется вплоть до настоящаго времени блестящій рядъ мыслителей и ученыхъ, поэтовъ и практическихъ дѣятелей.

Очевидно, среда, выдѣлившая такихъ представителей, не мертва, а скрываетъ неистощимый запасъ производительныхъ элементовъ, которые только, въ большинствѣ случаевъ, загубляются и искажаются жестоко-ненормальными условіями. И тѣ даже пароксизмы, которые время отъ времени потрясаютъ этотъ безжизненный будто организмъ, развѣ не опровергаютъ мнѣніе о его безжизненности? Не очевидно-ли, что дикія фантазмагоріи, сопровождающія это горячее состояніе, родственны по духовной сущности тѣмъ вполне реальнымъ сокровищамъ, которыя добываются отдѣльными, исключительно счастливыми личностями этой среды? Каббала есть только неудавшаяся попытка того же духа, который произвелъ на свѣтъ этику Спинозы.

Но кто опредѣлитъ цѣпкость разъ укоренившихся предразсудковъ? Самыхъ бьющихъ въ глаза фактовъ недостаточно было, чтобы поколебать силу этихъ предразсудковъ. Недостаточно было строгой послѣдовательности, съ которой шло развитіе еврейскаго духа, начиная съ первой его религіозной концепціи, вплоть до величайшаго философскаго синтеза и проведенія послѣдняго въ спеціальныя научныя дисциплины¹, недостаточно было непрерывности звеньевъ этой длинной цѣпи, сосредоточенности единой мысли, которая, все болѣе углубляясь и выясняясь,

¹ См. статью нашу «Евр. Интеллигенція», *Восходъ* 1888 г., № 3, въ особенн. стр. 104.

преемственно передавалась отъ генія къ генію, точно неугасимая лампада, переходившая отъ весталки къ весталкѣ, — еврейскій духъ разъ навсегда занесенъ былъ въ реестръ умершихъ, — а тѣ проявленія, это — случайно забредшія къ евреямъ заимствованія!

Филонъ подогрѣвалъ Платона, Маймонидъ реставрировалъ Аристотеля, Спиноза довершалъ Декарта, Маймонъ дополнялъ Канта, Лассаль поправлялъ Гегеля; всѣ они примѣнялись къ чужому и отъ своего либо совсѣмъ отстали, какъ Лассаль, Спиноза, либо искусственно его подгоняли къ чужому, какъ Филонъ, Маймонидъ. Та красная нить, которая идетъ отъ первоначальнаго зачатія идеи о единомъ Богѣ вплоть до экономическихъ и правовыхъ теорій Рикардо, Маркса и Лассаля, — эта нить не выступаетъ такъ явственно, чтобы легко было ее разглядѣть. Не такъ легко было распознать, что въ тѣхъ безконечно-сложныхъ сплетеніяхъ, которыя связываютъ еврейскихъ мыслителей съ ихъ христіанскими соратниками, никогда не терялась основная національная мысль. Не видѣли, что тутъ имѣла мѣсто только шлифовка алмаза объ алмазъ, огонь же исходилъ изнутри драгоцѣннаго кристала. И не смотря на всѣ несомнѣннѣйшіе признаки своей жизненности, духъ еврейскаго народа, какъ заправскій мертвецъ, продолжалъ окутываться въ саванъ. Не видѣли-ли мы недавно выдающагося ученаго оспаривающимъ у евреевъ даже право называться націей?!

Но чего отвергать невозможно было, такъ это переживаніе ихъ, хотя бы какъ простая совокупность. Этотъ фактъ бьетъ всѣмъ въ глаза. Всѣ ему удивляются, никто его до сихъ поръ не объяснилъ (развѣ считать объясненіемъ утвержденія ортодоксовъ, см. выше, стр. II).

Пародія на объясненіе, впрочемъ, давалась. Это, изволите видѣть, талмудическая и раввинистская формалистика, которая вдыхала какъ бы искусственную жизнь, гальванизировала этотъ трупъ. Но не говоря объ имѣющемся здѣсь *circulus vitiosus*,

такъ какъ Талмудъ и раввинизмъ суть сами продуктъ того трупа¹, который они предназначены гальванизировать, гдѣ видно въ природѣ, чтобы жизнь, разъ улетѣвшая, довольствовалась искусственными суррогатами (чѣмъ безпорно представляется раввинистская казуистика) необходимыхъ для нея естественныхъ условій?—Простѣйшія вещи суть обыкновенно именно тѣ, которыя наиболѣе трудно лѣзутъ въ голову. Никакъ не хотѣли понять, что то, что выжило, должно обладать достаточной для этого *внутренней* энергіей. Отъ такого простого соображенія, вѣроятно, не удалились бы въ химерическую область искусственныхъ гальванизаций, еслибъ такъ же легко было найти причину такой необычайной жизненной цѣпкости.

Извѣстенъ тотъ курьезъ природы, что зернышко, пробывшее 3,000 лѣтъ въ египетской пирамидѣ и посаженное затѣмъ въ землю, оживаетъ и пускаетъ ростки. Нѣчто подобное приключалось съ еврейскимъ народомъ. Зернышко сохраняетъ растительную силу, потому что герметическая закупорка предохраняетъ его отъ гніенія и сушки. Природная сила, съ одной стороны, не находя приложенія, а съ другой,—не подвергаясь порчѣ, на время застываетъ, замираетъ. *Mutatis mutandis*—тоже самое имѣло мѣсто съ еврействомъ. Герметическій запоръ, подъ которымъ еврейство пребывало два тысячелѣтія, не представляли гетто, отчужденіе, въ которомъ оно держалось со стороны христіанскаго общества. Страданія, неслыханныя терзанія и мученія, которыя сопряжены были съ этимъ отлученіемъ, составляютъ, наоборотъ, именно главный предметъ загадки, какъ еврейство могло ихъ вынести, какъ оно устояло противъ того,

¹ И прибавимъ, относительно Талмуда, продуктъ вполне достойный нашего духа. Какъ энциклопедія, какъ сборникъ шестисотлѣтняго творчества, онъ, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ много балласту: узкаго, смѣшнаго, фантастическаго. Но, по единогласному признанію всѣхъ знатоковъ дѣла, общій духъ его безконечно опередилъ свое время. Вездѣ видно стремленіе проникать сквозь мертвую кору обрядностей въ живую суть іудаизма: единство міра и братство людей.

десятая доля чего достаточно была бы, чтобы сокрушить любую народность. Тѣ мрачныя гетто, въ которыхъ задышался еврейскій народъ, такъ мало предохраняли его отъ «зуба времени», что, въ физическомъ смыслѣ, трудно себѣ вообразить чтонибудь болѣе разрушительное, болѣе пагубное. Нѣтъ, закупорка, которая обороняла евреевъ отъ сырости и зноя, отъ желѣза и пламени, или, вѣрнѣе, не смотря на все это, была чисто духовнаго свойства и, чтобы это высказать безъ обиняковъ, было ихъ духовное преимущество надъ всѣмъ окружающимъ міромъ.

Есть двѣ причины исчезновенія естественной силы: либо она нормально расходуетъ, либо она сокрушается другою, вышею. Ни то, ни другое здѣсь не могло имѣть мѣста. Средневѣковой строй не доросъ до духовнаго уровня іудаизма. Онъ, поэтому, съ одной стороны, не могъ ему давать естественнаго приложенія, а съ другой,—не могъ также его сокрушить, не смотря на всѣ пущенныя имъ въ ходъ физическія средства. Что значить матерія противъ духа! Духовная сила еврейства держалась, такимъ образомъ, до поры до времени, частью въ скрытомъ состояніи. Станетъ-ли кто оспаривать, что таково именно было положеніе дѣлъ, начиная съ наступленія германо-романской эпохи почти вплоть до французской революціи?

На порогѣ новой эры итогъ античной цивилизаціи—сознаніе общечеловѣческой связи, мысль о безконечномъ достоинствѣ человѣка, какъ такового, безъ различія состоянія и вѣрованія,—получилъ, въ средѣ еврейства, чистѣйшее и энергичнѣйшее выраженіе. Ничего тутъ не значить, что новая проповѣдь не могла добиться оффиціального признанія. Это было результатомъ случайныхъ обстоятельствъ и, во всякомъ случаѣ, не измѣняетъ того факта, что только среда, одаренная величайшей жизненной энергіей, обладавшая громаднѣйшимъ подъемомъ нравственныхъ силъ, въ состояніи была совершить такую могучую эволюцію, сдѣлать такой рѣзкій переходъ отъ узко-національнаго къ общечеловѣческому. Очевидно, слѣдовательно, что

коллективность, которая сумела вместить въ себя абсолютный идеаль безконечнаго человѣколюбія, стала несокрушимой, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока на его пути будутъ встрѣчаться одни только національныя стремленія, предѣльныя, ограниченныя. Что могла тутъ значить потеря территоріи, государственной независимости, когда въ собственной груди пылалъ огонь, способный согрѣвать цѣлый міръ! Что могли значить страданія и гоненія, въ сравненіи съ тѣмъ настроеніемъ, которое царило въ гетто? Страданія низвергаютъ слабого, сильного же они закаляютъ и освѣжаютъ. Загоняя идеалистическій пылъ внутрь, не давая ему нормальнаго примѣненія, жестокия преслѣдованія, правда, заставляли его часто принимать уродливыя формы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они сохраняли самый источникъ въ полной свѣжести, не давали ему засориться и изсякнуть и тѣмъ все-таки позволяли выдвигаться, почти непрерывно, отдѣльнымъ, болѣе счастливымъ исключеніямъ, которыя своими трудами давали мѣру тому, что производила бы эта среда при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Ясна-ли теперь причина еврейской долговѣчности? Часто мы слышимъ, что то, что поддерживало еврейство, было—вѣра въ свое мессіанство. Объясненіе, если хотите, совершенно правильное, только оно не попадаетъ въ самый центръ. Вѣдь весь вопросъ въ томъ, откуда взялась эта странная вѣра въ себя, такое необычайное самомнѣніе. А родилось оно изъ смутнаго сознанія собственной силы, и только инстинктивность, невыясненность внутреннихъ порывовъ повела къ фантастически-образному представленію о мессіанизмѣ. Такъ, юноша, еще не выяснившій себѣ своего призванія, въ игривыхъ мечтахъ бродитъ около предмета врожденныхъ задатковъ и въ нелѣпыхъ даже грезахъ выдаетъ истинную тайну своего сердца.—И такъ, не мессіанская вѣра охраняла еврейство, а богатый запасъ его силъ. Послѣдній повелъ его къ концепціи необъятнаго идеала, и образнымъ выраженіемъ послѣдняго является мессіанизмъ: предметъ того и дру-

того есть безусловное человеколюбіе, осчастливливаніе всѣхъ народовъ, соединенныхъ въ одномъ неразрывномъ братскомъ союзѣ. Этотъ нашъ великій идеалъ возносилъ насъ на могучихъ своихъ крыльяхъ надъ пучиной безмѣрныхъ нашихъ страданій,—и борьба и страданія намъ предстоятъ еще впереди, ибо далеко еще нашъ идеалъ не осуществленъ на землѣ, далеко еще миссія наша не окончена.

Мы—историческая нація *par excellence*. Вотъ уже 2,000 лѣтъ какъ мы наложили свою печать на исторію человѣчества. Не будемъ, поэтому, жаловаться на наши страданія. Счастливы народы, какъ честны только женщины, которыя исторіи не имѣютъ.

Но страданія, которыя намъ предстоятъ, надѣмся, будутъ не тѣми жгучими, надламывающими, бесплодными, которыя вызываются тѣмъ, что силѣ выхода не даютъ, что ее загубляютъ и искалѣчиваютъ, а тѣми освѣжающими и возвышающими, которыя сопряжены съ нормальнымъ приложеніемъ къ дѣлу природныхъ своихъ задатковъ. Нѣтъ движенія безъ тренія и сопротивленія среды. Нѣтъ родовъ безъ мукъ. Нѣтъ дѣйствія безъ борьбы. Но достигаемый результатъ, прозрѣваемая цѣль—утѣшаютъ и приободряютъ. И дерево не приноситъ своихъ плодовъ безъ разрушенія своихъ органовъ: коры, лепестковъ, почекъ. Но это иной расходъ силъ, это иная судьба, нежели та, которая достается растенію, зачахшему по недостатку свѣта и воздуха...

Вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ мы наложили печать свою на исторію,—сказали мы только что. Такъ-ли это? Что это такъ въ отношеніи религіи, начинаютъ, наконецъ, признавать. Не одинъ только Ренанъ высказывается въ этомъ смыслѣ; онъ только сдѣлалъ это, при громадной эрудиціи, съ наибольшимъ талантомъ и рельефностью. Но тотъ же Ренанъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что помимо этой области евреи не сдѣлали почти ничего. Не знаю, какъ это совмѣстить съ другимъ его

утвержденіемъ, что въ поэтическомъ творествѣ человѣчество черпало преимущественно изъ двухъ кладезей: изъ Гомера и изъ Библіи. Стало быть, дѣйствіе іудаизма простирается далѣе религіозной сферы. Но что абсолютно игнорируется Ренаномъ, такъ это значеніе евреевъ въ новой философіи, вѣроятно потому, что Ренанъ послѣдней большого научнаго значенія вообще не придаетъ. Въ этомъ отношеніи онъ, пожалуй, сходится съ большинствомъ нынѣшнихъ научныхъ авторитетовъ. Провозгласилъ же Ланге,—и ученые ему повѣрили на слово,—что философія нѣчто въ родѣ другой, только болѣе чахлой поэзіи, имѣющей кое-какія достоинства, какъ оживляющій идеальныя стремленія элементъ, но, въ научномъ отношеніи, т. е. если принять ее за норму для науки, положительно вредной. Но ниже читатель найдетъ отзывъ человѣка иной компетенціи въ философской матеріи, Лассалля, утверждающаго, наоборотъ, что, безъ усвоенія принциповъ спекулятивной философіи, никакой научный прогрессъ не будетъ возможенъ.

Правда, Куно Фишеръ (Введеніе къ V т. его Ист. новѣйшей фил., 2 изд.) доказалъ Ланге, что единственный авторитетъ, на который онъ опирается въ пользу своей теоріи и даже всего своего міросозерцанія, Кантъ—единственный также спекулятивный философъ новаго времени, которому Ланге, какъ явствуетъ изъ главнаго его сочиненія, посвятилъ спеціальное изученіе,—совершенно ложно или, вѣрнѣе, совершенно имъ не понятъ. Но, въ нашъ позитивный вѣкъ, развѣ обращаютъ вниманіе на такую бездѣлицу? Я сильно рискую, поэтому, идти противъ предположенной цѣли стараніемъ отвести евреямъ подобающее имъ мѣсто въ философіи.

Я, однако, иду на этотъ рискъ и утверждаю, что помимо общепризнаннаго громаднаго значенія, которое имѣетъ еврейская философская мысль, начиная съ христіанской эры,

въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, вся нѣмецкая философія, т. е. величайшій расцвѣтъ философской мысли съ греческаго времени (я, конечно, говорю о главномъ руслѣ: Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель), всецѣло зиждется на системѣ Спинозы. Да философія-ли одна? Вся новѣйшая нѣмецкая литература пропитана духомъ, который вѣетъ въ его твореніяхъ; вся богословская наука нашего времени имѣетъ свои корни въ его теолого-политическомъ трактатѣ. Лессингъ и Якоби, Гердеръ и Шлейермахеръ, Шеллингъ и Гегель, Штраусъ и Тюбингенская школа—воодушевляются имъ, комментируютъ и развиваютъ его. Гете перелагаетъ окаменѣлыя въ геометрическихъ формулахъ положенія его въ легкую воздушную пѣснь. Требовалось абсолютное невѣдѣніе внутренняго смысла новѣйшей нѣмецкой философіи, невѣроятная импотенція проникнуть сквозь кору абстрактныхъ формулъ въ дѣйствительную суть, чтобъ не видѣть, что весь этотъ логическій снарядъ, вся эта хитроумная діалектика, завершающаяся въ гегелевской логикѣ, имѣетъ только цѣлью подстлать подъ великій Спинозовскій синтезъ недостающую ему логическую поделку. Дѣло было въ глаза. Гегель прямо это высказывалъ: ты либо спинозистъ,—утверждалъ онъ,—либо у тебя нѣтъ никакой философіи. Все было напрасно. Понынѣ еще господствуетъ старый предрасудокъ,—и Ланге имъ пользуется какъ главнымъ своимъ козыремъ,—что нѣмецкія системы, выступая каждая съ своими особыми завѣреніями, опрокидываютъ одна другую и этимъ обнаруживаютъ одинаковую несостоятельность всѣхъ ихъ.

Но противъ этого упорнаго и стараго предрасудка уже Гегель отвѣтилъ (VI, 167, sq.), что «философія въ своемъ результатѣ не можетъ быть сравниваема съ галереей заблужденій человѣческаго духа, а скорѣе—съ пантеономъ божественныхъ проявленій. Проявленія же эти суть различныя ступени идеи»...